

брый сеньор удостоверился, что слова мои не ложны, он, опасаясь великой невзгоды, которая могла для меня из сего проистечь, согласился поведать мне то, что у вас с ним затеялось. И предпочитает он покинуть вас и спасти мне жизнь, нежели плачевно меня загубить, оставаясь с вами. И будь вы такой, как вам следовало бы быть, вы не отказывали бы так долго в утешении и исцелении мне, вашему покорному служителю, ибо вам доподлинно известно, что я неизменно служил вам и повиновался.

– А я вас прошу, – сказала она, – чтобы вы больше со мною о том не говорили и вышли бы отсюда вон. Проклят будь тот, кто вас сюда прислал!

– Знаете что, сударыня? – сказал он. – Не в моих видах уходить отсюда до завтрашнего дня.

– Клянусь честью! – сказала она. – Вы уберетесь сейчас же.

– Разрази меня бог! Ничего такого не будет, потому что я переночую с вами.

Увидавши, что он стоит на своем и что это не такой человек, которого можно прогнать суровыми речами, она попыталась удалить его кротостью и сказала:

– Умоляю вас, как могу, на сей раз уйти, и, клянусь верой, в другой раз я исполню ваше желание.

– Ни-ни, – говорит он, – забудьте об этом и думать, ибо я здесь ночую.

И тут он начинает раздеваться, и берет даму, и целует ее, и ведет к столу; словом, добился он того, что она улеглась в постель, а он с ней рядышком.

Не успели они расположиться и преломить всего-навсего одно копьё, как вдруг является добрый рыцарь на своем муле и стучит в комнату. А добрый оруженосец слышит его и тотчас узнает; тут начинает он громко ворчать, изображая собаку.

Рыцарь, услышав сие, сильно изумился и не менее того разгневался. Поэтому он снова громко постучался в комнату.

– Кто там рычит? – крикнул тот, что был на улице. – Черт подери! Я это сейчас узнаю. Отворите двери, или я их в дом внесу!

А добрая дама, вне себя от бешенства, подбежала к окну в одной сорочке и сказала:

– Ах, это вы, рыцарь неверный и фальшивый? Стучите сколько хотите. Сюда вам не войти!

– Почему же мне не войти? – спросил он.

– А потому, – говорит она, – что вы самый вероломный человек, когда-либо сходявшийся с женщиной, и недостойны быть в обществе честных людей.

– Ловко вы расписали мой герб, сударыня, – ответил он. – Не знаю только, что вас укусило. Насколько мне известно, я вам никакой измены не учинил.

– Нет, учинили, – сказала она, – да еще самую гнусную, какую когда-либо женщина испытала от мужчины.

– Нет, клянусь честью! Но скажите же мне, кто там у вас в горнице.

– Сами отлично знаете, скверный вы этаким предатель! – ответила она.

А в это самое время добрый оруженосец заворчал, как и прежде, подражая псу.

– Ах, черт возьми! – говорит тот, что на улице. – Ничего не понимаю. Неужто же я не узнаю, кто этот ворчун?

– Клянусь святым Иоанном, узнаете! – сказал оруженосец.

И с этим он вскакивает с постели и становится у окна рядом со своей дамой и говорит:

– Что вам угодно, монсеньор? Грешно вам так рано нас будить.

Добрый рыцарь, узнавши, кто с ним говорит, так остолбенел, что просто чудо. А когда вновь заговорил, то промолвил:

– Откуда же ты взялся?

– С вашего ужина; а сюда пришел ночевать.

– Тьфу, пропасть! – сказал рыцарь; а затем отнесся с речью к даме и сказал:

– Вот каких гостей вы здесь принимаете, сударыня?

– Да, монсеньор, – отвечала она, – и спасибо вам на том, что вы мне его прислали.

– Я? – сказал рыцарь. – Ничуть не бывало, клянусь Иоанном Крестителем! Я даже явился сюда, чтоб занять свое место; да, видно, опоздал. Но раз уж мне ничего другого не достается, так выпустите меня хоть выпить глоток-другой.

– Видит бог, вы сюда не войдете, – сказала она.

– Ан войдет, клянусь святым Иоанном! – сказал оруженосец.

И с этим он встал, и отпер дверь, и снова улегся в постель, а она – рядом с ним, бог свиде-